

Мауленов А.А.

МИФО-ПОЭТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕСУМЕРСКОЙ ПОЭМЕ
«ГИЛЬГАМЕШ»

A.A. Maulenov

MYTHO-POETIC MOTIFS IN ANCIENT SUMERIAN POEM "GILGAMESH"

УДК: 426(31)132.

В данной статье рассматриваются мифо-поэтические мотивы в древнесумерской поэме «Гильгамеш».

This article discusses the mytho - poetic motifs in the Sumerian poem "Gilgamesh".

В древней шумеро-аккадской словесности встречаются первичные системы мифопоэтических образов и образцов авторо-поэтического творчества.

Одним из них является шумеро-аккадский героический эпос «Песня о Гильгамеше», как высокохудожественное поэтическое произведение. В нем рассказывается о пути поиска бессмертия. «Гильгамеш – искаженное имя на аккадском (семитском) языке, как утверждает ученый шумеролог И.М.Дьяконов на шумерском языке имя произносится как Билгамес (Бильгамес) Bilgames»[9,108-с]. Бильгамес уже в XXVI в.д.н.э. стал именем одного из шумерских богов. Само название указывает без труда на тюркское слово «знать». Тюрколог А.Аманжолов выдвигает другую гипотезу: «Его дословный перевод «Баба батыр» («Герой предок»). Bilge «Баба, батыр», mes «батыр, ер» [10,Б.65-71]. Для примера он указывает другой древнетюркский письменный памятник «Билге қаған» («Бильге Каган»).

На генезисе эпоса «Гильгамеш» лежит вечный вопрос человечества «Как найти вечную жизнь?». Это великое древнее поэтическое наследие не только притягивает нас художественно-философским мировоззрением, но и самым первым прототюркским письменным источником, давшим жизнь другим поэмам позднего времени для других народов мира. Позже, через тысяча лет на его основе была создана Гомеровская «Иллиада». В поэме Гильгамеш – жрец Урука и его царь исторические личности. Он потомок бога солнца Ота (Уту). Из поэмы мы узнаем, что Бога солнца шумерцы называли – Уту, а аккадцы – Шамаш. Ученые доказали, что сохранилось 5 шумерских и 3 аккадских варианта поэм.

Позже, ученый шумеролог И.М. Дьяконов исследовавший эти эпосы объединил каждый вариант в одно общее, разделяя их на 4 главы:

1. «Энкидиада» – дикий персонаж и его приближение к культуре;
2. Его борьба или поход Хумбабу;
3. Разногласие Иштаром (по шумерский Иннином) и борьба с синим быком;
4. Путешествие Гильгамеша в поисках тайны бессмертия.

Шумеры в поэме «Гильгамеш» ищут ответы

на глубоко философские вопросы «Почему человек умирает?», «Когда я умуру, куда денется моя душа и дух?», «Как появился на свет человек?». В основе поэмы лежит мистическая идея о несправдливости смерти. Здесь, четко видно, что человек когда отделился от природы искал средство против «Смерти», в поэме это отражено познавательно-эпистемологическими истоками.

Дочь Иннина Ану предлагает Гильгамешу свою руку:

Приди ко мне Гильгамеш,

Стань моим возлюбленным и подари себя! [11-104] –

Гильгамеш не одобряет предложение, и Ану жалуется своему отцу:

«Отец, сотвори мне Быка, чтобы убить Гильгамеша,

Если ты не сотворишь Быка,

Все равно я убью Гильгамеша.

Я позову всех умерших из ада

И тогда на этом свете будет больше мертвых, чем живых! [11-105] –

После этого Иштар сотворил быка. Здесь бык показан не в образе мифического существа, а в роли тотема племени, которому они поклоняются (древнетюркская поэма «Огуз каган» как отголосок этого события в положительном тотеме). Если по другому взглянуть в суть дела, тогда Бог Ану не сотворил быков, а люди сотворили себе тотем быка. Это ярко показано в древнетюркском эпосе «Огуз каган». В эпосе мифема «обожествление или необожествление богов» понимается нами как смысловая оппозиция быку. Такое необожествление быка позже встречается в книге «Дадам Коркут». В «Гильгамеше» и «Дадам Коркуте» есть общие мотивы: в эпосе «Гильгамеш» быка сотворил Бог Ану, а в легенде «Дадам Коркуте» хозяин быка Дести хан. Из этого следует, что бык не простой бык, а собирательный мифологический образ племени, который почитает бога Ану и поклоняется тотему «Огуз», с другой стороны бык роскошь для богатых правителей. Все-таки здесь мы наблюдаем скрытый мифологический смысл – необожествление тотема. В эпосе он (бык) символический образ побежденных племен. В эпосе «Огуз» (символизируемая страна) эпоха необожествления, а в легенде это историческое эхо прошлых побед, а также отголосок прошлого в перевоплощении мифической оппозиции «свой» и «чужой». «Дадам Коркут» – это пересказ на языке прозы. Для сравнения двух текстов, приведем следующее: в «Дадам Коркуте»: «Юноша одним ударом свернул шею быку и упал он бесчувст-

венный»[12-19]. А в эпосе:

На третьем дыхании брызгая слюной на
Энкиду,

Прыгнул на него и схватил Энкиду быка,

И со всей силы он его ударил,

И бык упал бесчувственный...[11-106]

Теперь остановимся на процессе убийства. В легенде: «Юноша, взяв кинжал отрезал голову быка. В те времена юноша, совершивший такой подвиг, награждался другим именем». В эти строках показано, что орудие убийства, и дар вождя совпадают, по древнетюркской воинской традиции тому, кто совершает подвиг, давали новое имя. Из истории Казахстана известно, что настоящее имя Кара Керей Кабанбай батыра – Ерасыл. Из этого мы можем сделать вывод, что Гильгамеш для тюркского мира национальное достояние. Его друг Энкиду, имел звание Победитель Быков, позже когда греки завоевали Трою переделали метоморфозу Минотавр (Энкиду) получеловек, полубык. Греки в своей мифологии создали два мифических образа прототюрков: один – кентавр, другой – Минотавр (Букаш). И теперь можно увидеть как время делает свое дело: Гильгамеш стал Коркутом; Энкиду – Букаш (победитель быков). Бык для двух произведений общая мотифема. В легенде Энкиду – Букаш остается живым. А в эпосе он погибает. Тысяча лет в народной памяти видится нежелание смерти героя. Он и в эпосе, и в легенде не простой человек. В песне – первичный герой, а в легенде – принц. Оба произведения открыли свою тайну после тысячелетнего молчания. «Дадам Коркут» – это единая энциклопедия прототюркских мифов. Наша задача найти ключ к дверям древнетюркской мифологии в «Дадам Коркуте».

Ант (клятва) в современном казахском языке имеет свой синоним «серт». Сейчас мы не знаем в этимологии этого слова лежит имя первичного героя Энкиду. Однако согласно исследованию С.Кондыбая «Ент» обозначает первоначальное имя героя. В эпосах тюркских народов очень часто встречаются батыры, которые сначала встречаются на поле боя как враги, затем клянутся в дружбе. Такой мотив есть и в эпосе «Гильгамеш». В казахском эпосе «Кобланды батыр» такой эпизод тоже есть. Кипчакский батыр Кобланды и батыр из рода кият Караман после поединка как и в Шумерском эпосе Гильгамеш и Энкиду после борьбы тоже станут друзьями. Убийство быка для Гильгамеша и Энкиду обернется бедой. Божий гнев посылает на Энкиду болезнь, через 12 дней после болезни он умирает.

Этот эпизод в эпосе отражается так:

Гильгамеш, оплакивая гибель Энкиду,

Задумывается о смысле жизни и смерти

И ищет пути вечной жизни и бессмертия...

Так прототюркский эпизод побратания стал канонизированным сюжетом всемирной литературе, который позже встречается в казахском эпосе «Кобланды батыр», где он становится «андой»

(побратимом) Карамана. Мифические параллели «свой» и «чужой» встречаются и здесь, Караман (по мнению Т. Асемкулова, прототюркский Бог лицемерия) позже продаст своего боевого друга Кобланды. Отголосок предательства мы без труда найдем и в эпосе «Гильгамеш».

Клятвенное побратание позже стало для тюрков военно-ритуальным обычаем «Анда болу», истоки которого мы замечаем в мотифеме эпоса «Гильгамеш» в дружбе двух героев. Этот обычай позже можно встретить в дружбе Чингиз кагана и Джамуха батыра. Такое побратание уходит в глубь веков, в эпоху шумеров.

Общеизвестно, что чем древнее эпос, тем у него больше прототюркского мифологического содержания и мифологических сюжетов. Об этом свидетельствуют киргизский эпос «Манас» и башкирский эпос «Урал батыр», в которых мифы рассматриваются как истоки становления героического эпоса. В более поздние этапы общественного развития классический эпос демифологизировался и его истоками становятся не мифы, а легенды.

Чем древнее эпос, тем больше места в нем занимают мифологическое содержание, образы мотивов, связанные с мифологией. Общеизвестным считается тот факт, что мифы являются важнейшим источником формирования героического эпоса, что ранний (архаический) эпос и миф неотделимы друг от друга, и лишь поздние классические формы эпоса, развивавшиеся в условиях государственной консолидации народов, опираются на исторические предания, в которых налицо тенденция к демифологизации.

XXVII-XXVI вв. д.н.э. в древнешумерской мифологии властвовала общепринятая триада «Небо-Земля-Подземелье». Было три божества: Бог неба – Ану; Бог земли – отец Богов Энлиль и друг Гильгамеша, владыка подземных океанов Бог мудрости – Энна. Существование общих мифологических тенденций наблюдается и у казахов, киргизов, и башкир. Все тюркские народы потеряли связующую нить шумеро-аккадской мифологии в своих эпосах. В древнетюркском эпосе образ Гильгамеша вообще не встречается, а в башкирском эпосе появляется в другом облике и под другим именем – «Урал батыр», что вызвало огромный интерес у многих ученых.

Когда речь идет о мифологической основе башкирского эпоса, обнаруживается очень много общих сюжетов с мифологией других народов, их мотивов и образов. Так, например, ученые давно обратили внимание на схожие моменты эпических сказаний об Урал-батыре и герое шумерской и аккадской мифологии Гильгамеша (Биль-га-месе). По данным А.А.Петросян, в сказаниях о Гильгамеше и Урал-батыре имеются следующие сходные линии: герой башкирского эпоса также, как и Гильгамеш, обладает сверхмогучей физической силой, он также, как Гильгамеш, уничтожает архистрашных чудовищ,

и наконец, Урал-батыр также, как Гильгамеш, отправляется на поиски бессмертия, шагая навстречу фантастическим трудностям [13-8].

Сходство в сюжете этих сказаний наблюдается и в описании идеальной страны Самара и владений бога мудрости Энки. В первой всегда царит веселье, волки и овцы на лугу, лисы и куры в лесу живут на свободе и в дружбе, не зная горя и печали. В страну закрыт путь для Смерти, люди, звери и животные за добро платят добром. Во владение Энки на острове Дильмун, ставшим счастливым уголком земли, тишина нарушалась только отдаленным шумом морского прибоя, многочисленные животные, среди которых не было хищников и ядовитых змей, бродили по степям и лесам, стаи птиц прятались в расщелинах скал и гнездились в ветвях. На острове, населенном племенем бессмертных, царили мир и тишина. Люди не знали, что такое болезни и дряхлость. Среди них не было ни одной вдовы и ни одного вдовца.

В то же время идейно-художественные концепции сказаний о Гильгамеше и об Урал-батыре не только не сходны, но и резко противоположны. Гильгамеш хлопочет о личной славе, он ищет бессмертия для себя, а Урал-батыр совершает свои подвиги, движимый желанием спасти людей от смертельных испытаний. Гильгамеш не смог открыть тайну бессмертия, а Урал-батыру это удалось. Главный мотив эпоса «Урал-батыр» гласит: человек сильнее всех сухих, добро непобедимо. В вавилонском эпосе звучит другая мелодия: все зависит от Бога. Бессмертный исполин Гильгамеш кончил жизнь, оплакивая свое бессилие перед капризами Богов. В вавилонском эпосе ни один герой не доводит до конца своего дела, – после первых успехов они или гибнут, или смиряются.

Известно, что некоторые эпические сказания мирового фольклора, в том числе и сказание с мифологическим содержанием, имеют реально-конкретную историческую основу. Так, например, Гильгамеш был пятым правителем I династии города Урука в Шумере (конец 27 – начало 26 вв. до н.э.). предполагается, что он был обожествлен вскоре после его смерти.

В последние годы башкирскими учеными проделана большая работа по установлению исторической основы некоторых образов и мотивов эпоса «Урал-батыр». В своем исследовании, посвященном этому эпическому сказанию, С.А.Галлямов пишет, что имена отрицательных героев из башкирского эпоса Шульген и Заркум – это имена реально существовавших царей Шумера. Далее он отмечает, что после свержения царства Аккада шумеры во главе со своим царем Ур-Наму (2112-2094 гг. до н.э.) обрели независимость, и сложилось новое Шумерское царство. После смерти Ур-Наму его преемником и царем стал его сын Шульга, который царствовал с 2093 по 2046 гг. до н.э. После смерти Шульги (Шульгана) в 2045-2037 гг. до н.э.

страной правил его сын Бор-Зэн, имя которого совпадает с названием башкирского рода бурзян. Далее ученый пишет, имя одного из правителей Шумера Зарикума, который был в подчинении у царей III династии Шульги и Бор-Зэна, также совпадает с именем Зарикум в эпосе «Урал-батыр».

Отсюда можно сделать вывод о том, что и мифологические, и исторические корни кубаира «Урал-батыр» теряются в глубине тысячелетий. Эта мысль хорошо прослеживается в образе божества Хумай (Үмай). О начале циклизации архаических мифов и выделении верховного бога говорит также культ Умай, женской богини тюркского периода. Распад каганата и начинавшаяся циклизация древних мифов остановилась, они не успели оформиться в стройную систему, полностью перейти в новую мифологизацию.

Как Дадам Коркут Гильгамеш тоже не победил смерть. Потому что человек всегда мечтал жить вечно. Наши предки издревле верили, что существует нектар бессмертия, искали его на земле и под землей, под водой и в небе. Когда их поиски не дали результата, они дали волю своей фантазии, в своем воображении находя источник живой воды или другой чудесный предмет, который дарит человеку вечную молодость. Так были придуманы многочисленные сказания. Подобными повествованиями в казахском устно-поэтическом творчестве являются легенды о Коркуте. Коркуту снится, что люди роют могилу для него. Проснувшись, он решает бежать от смерти. Посетив четыре части света, он везде встречает людей, роющих ему могилу. Он бежит от смерти, все равно смерть в облики змеи настигает его.

Коркут – тюркский жрец, философ, музыкант, борется против рока, в двух мирах (при жизни и после смерти) одновременно ищет вечную жизнь. Последние исследования его уже не относятся к шаманам, он стал уже прорицателем и святым всего тюркского мира. Р.Алмуханова в своей книге «Античные мотивы в казахском фольклоре» доказывает, что Коркут не баксы с ограниченными функциями, он жрец, игравший большую роль в становлении мифологии прототюрков. Ученый пишет: «Баксы всегда близки к джинам, поэтому когда они умирали их хоронили отдельно от остальных людей. Народ верил, что их могила – это пристанище злых духов. Про святых народ так не думал, и место их захоронения является святилищем, поэтому почитаемый всеми тюрками Коркут и не шаман, и не баксы, а святой, историческая личность» [14,284-285].

Ведь мир кочевников или номадический культуры – это «тэрра инкогнито» – неведомая земля, еще в полной мере не открытая, а на этом фоне и Манас, и Гильгамеш, и Коркут – феномены Степных знаний. Герой легенды находится в экзистенциальном одиночестве, на пороге жизни и смерти, на стыке культур ислама и шаманизма. Это

скорее героическая фигура, чем сакральная, и скорее сакральная, чем мифическая. В фигуре Коркута героический мир номадизма пытается перейти в сакральную форму, и здесь прочитывается архаика на уровне парасимволов и архетипов. Исходя из этого, мы должны рассмотреть общие темы тюркско-шумерских историко-литературных связей в функции нарремы, мифемы, мотивемы. Современные исследователи все больше углубляются в сторону лингвистики, а мифологические аспекты остаются без внимания. Мы должны найти общий язык для дальнейшего исследования в культурологическом, мифологическом направлении в единстве языковедами. Без единомыслия все наши усилия не приведут к достижениям. Следы шумерской мифологии мы встречаем в Манасе, Коркуте, Урал-батыре. Три мифических, сакральных и легендарных личности прототюркской общей истории дают нам научные ключи к дальнейшему изучению шумерологии.

К.Жанабаев в статье «Вопросы тюркских мифов и шумеров» предлагает нам шумеро-прототюркскую взаимосвязь, где в первую очередь мы должны учесть общность литературно-мифологических сюжетов [15].

В последнее время отечественная наука стала выдвигать мнение без евроцентрических догматов, в сфере гуманитарных наук появились новые идеи о шумерской мифологии. Задаются вопросы: «Кто мы? Откуда мы появились?» и т.п., и дается новое научное пояснение, где не ущемляются достоинства других этнических групп.

Когда мы рассуждаем о мифах Коркута и Гильгамеша, встречающихся в открытых и скрытых литературных произведениях, мы должны понимать, что в основе произведения лежит прототюркское архетипическое сознание, внесшее огромный вклад в развитие мировой литературы. Трансформация некоторых сюжетов Гильгамеша была явна видна в эпосе Коркут, была процессом длительным и явилась истоком, образцом для подражания для эпосов «Манас» и «Урал-батыр». Мифический образ Коркута в коммунистическом прошлом нашей страны был объектом критики, в настоящее время образ Коркута трансформировался в мифо-историческую личность тюркских народов.

Все тюркские ученые должны доказать всему миру, что шумерская мифология есть не что иное, как прототюркская мифология, а казахская,

башкирская и киргизская мифологии как одна из составных частей этого неизученного духовно-мифопоэтического мира.

Караван времени не стоит на одном месте, и казахи, и башкиры, и киргизы досих пор почитают историко-мифологических предков Гильгамеша, Манаса и Коркута в разных трансформациях. Все этого говорит о богатом наследии, доставшемся – шумерцев, которые оставили нам свои сокровища – язык и культуру на вечное хранение скифам-кочевникам».

Использованная литература:

1. Мелетинский Поэтика мифа. Москва: Наука, 1976.– 407 с.
2. Маргулан А. “О носителях древней поэтической культуры казахского народа”
3. Турсынов Е. Шумерлер // Өркениеттер диалогындағы түркі әлемінің рөлі. Халықаралық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары.– Алматы: МСӨИ, 2009. – 344 бет.
4. Лайпанов К., Мизиев И. Түркік халықтарының шыққан тегі туралы (аударған – Дастанұлы Ә.) //Парасат журналы, 1995, 4-6 б.
5. Сулейменов О. Язык письмо. Алматы – Рим. RIAL, 1998. – 497 с.
6. Идирисов А. Шумерлер түркілермен тектес халық...// Ана тілі N 35, 3-9 қыркүйек, 2009 ж.
7. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода (Размышление об актантных моделях/ Перевод с французского Л.Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с. – («Концепции»)
8. *Barthes* 1970 –*Barthes R. S/Z*. Paris: Seuil, 1970 (рус. пер.: *Барп Р. S/Z*. М.: Ad Marginem, 1994).
9. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. Москва, 1967
10. Аманжолов А. Шумеро-тюркские соответствия и изобразительные логотипы. В кн.: История и теория древне-тюркского письма. Алматы. Мектеп, 2003. – 278 с.
11. Эпос о Гильгамеше. М-Л., 1961.
12. Книга о Дедам Коркуте. Түркі тілінен ауд. Б.Искаков. – Алматы. Жазушы, 1994. – 160 б.
13. Петросян А.А. О героическом эпосе народов Советского Союза / Героический эпос народов СССР. Том 1. – М., 1975.
14. Алмуханова Р. Қазақ фольклорындағы антикалық сарындар. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2009. – 320 бет.
15. Жанабаев К. Тюркский мир и шумерский вопрос // Өркениеттер диалогындағы түркі әлемінің рөлі: Халықаралық ғылыми сипозум материалдары. Алматы. МСӨИ, 2009. – 344 б.

Рецензент: д.филол.н Турдугулов А.